

М.В. Шкаровский

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ ЗАГРАНИЦЕЙ И ЕЕ ОБЩИНЫ В ЮГОСЛАВИИ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ *

Статья посвящена деятельности руководящих органов Русской Православной Церкви Заграницей (РПЦЗ) и истории русских церковных общин в Югославии в годы Второй мировой войны. В апреле 1941 г. Югославия была оккупирована войсками нацистской Германии и ее союзников, и общины РПЦЗ в этой стране стали претерпевать различные стеснения в своей деятельности. В среде русской эмиграции произошел раскол: часть паствы РПЦЗ вступила в различные антикоммунистические формирования, прежде всего – в Русский корпус, другая часть негативно относилась к немцам. Священноначалие РПЦЗ старалось занимать в целом нейтральную позицию, пытаясь принять активное участие в религиозном возрождении на оккупированной территории СССР, однако немецкие власти не пустили русских эмигрантских священнослужителей на Родину. Осенью 1944 г. из-за приближения советских войск Архиерейский Синод эвакуировался в Германию, где с некоторыми перемещениями оставался до конца войны.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь Заграницей, церковная эмиграция, Югославия, Вторая мировая война, Германия.

В дни оккупации для русских эмигрантов в Белграде духовным центром стала их приходская церковь Пресвятой Троицы. Здесь в августе 1941 г., после принятия монашеского пострига, был рукоположен во иеродиакона и иеромонаха будущий епископ Западно-Европейский и Женевский Леонтий (в миру Лев Георгиевич Бартошевич, 1914–1956). 20 июля 1941 г. принял монашеский постриг, 27 июля был рукоположен митрополитом Анастасием во иеродиакона и 19 августа 1941 г. — во иеромонаха брат о. Леонтия — выпускник богословского факультета Белградского университета о. Антоний (Бартошевич, будущий архиепископ). 13 сентября 1941 г. владыка Анастасий, узнав из рапорта директора 1-го Русского кадетского корпуса в Белой Церкви генерал-майора А.Г. Попова об отрицательном отношении к законоучителю о. Иоанну Гандурину, предложил ему другого кандидата — иеромонаха Антония (Бартошевича), и с февраля 1942 г. о. Антоний стал служить законоучителем в этом кадетском корпусе¹.

Михаил Витальевич Шкаровский — доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургской православной духовной академии, ведущий научный сотрудник Государственного архива Санкт-Петербурга.

* Окончание. Начало см.: Христианское чтение. 2014. № 2–3. С. 207–254.

¹СА. Д. 18/41.

10 октября Первоиерарх РПЦЗ написал настоятелю монастыря прп. Иова архимандриту Серафиму (Иванову) о том, что на днях постриг в Свято-Троицкой церкви с именем Никон работавшего до 1941 г. редактором газеты «Царский вестник» Н.П. Рклицкого (будущего архиепископа), а игумен Лука с возглавляемыми им братьями и сестрами пока находится в Земуне, оставаясь в сербской юрисдикции, но, вероятно, вскоре переедет в Белград².

21 октября 1941 г. в Свято-Троицкой церкви был рукоположен во диакона, а 25 марта 1942 г. митрополитом Анастасием во иерея выпускник богословского факультета Белградского университета, с 23 сентября 1936 г. работавший законоучителем VI мужской реальной гимназии и V женской гимназии в Белграде, будущий архиепископ Сиднейский и Австралийско-Новозеландский Савва (в миру Федор Федорович Раевский, 1892–1976). До апреля 1944 г. он служил сверхштатным священником в храме Пресвятой Троицы, а затем уехал в Германию³.

Также в Свято-Троицкой церкви 9 октября 1942 г. был рукоположен во диакона, а 14 октября во иерея известный славист, палеограф и византинист, бывший доцент Белградского университета и преподаватель истории в русской мужской гимназии Владимир Алексеевич Мошин. Он был связан и с Русским научным институтом, где, несмотря на оккупацию, систематически преподавались курсы по истории русской общественной мысли, русской литературы и византиноведению⁴.

Так как богословский факультет Белградского университета с началом оккупации был закрыт, оба его русских профессора оказались без работы. Один из них — славист Степан Михайлович Кульбакин скончался в Белграде 22 декабря 1941 г. и был похоронен на русском участке Нового кладбища Белграда, у Иверской часовни, а второй — известный специалист в области канонического права Сергей Викторович Троицкий в дальнейшем вернулся к преподаванию в Белградском университете.

С начала 1940 г. в Югославии проживал крупнейший православный патролог, известный в Западной Европе и Америке богослов и философ протоиерей Георгий Васильевич Флоровский (1893–1979), избранный в 1939 г. членом-

---

²Там же. Д. 15/41.

³АС. Г/3, 1-796/1941; *Протопопов М., протопр.* Преосвященнейший Савва (Раевский), архиепископ Сиднейский и Австралийско-Новозеландский. 1892–1976. Мельбурн, 1999. С. 15–16.

⁴*Булатова Р.В.* Основатель югославской палеографической науки В.А. Мошин // Русская эмиграция в Югославии. С. 186.

корреспондентом Русского научного института в Белграде. В 1940–1942 гг. он преподавал историю религии и был духовником Крымского кадетского корпуса и Донского Мариинского девичьего института в Белой Церкви. В начале апреля 1941 г. в ходе одного из налетов немецкой авиации на Белград был уничтожен склад, где хранились почти все экземпляры напечатанной в Югославии книги о. Георгия «Пути русского богословия». Решением Архиерейского Синода от 21 июня 1941 г. протоиерей был награжден золотым наперсным крестом⁵. В 1942 г. Флоровские переехали в Белград, где о. Георгий преподавал Закон Божий в мужской и женской русско-сербских гимназиях. Позднее он вспоминал, что условия жизни в период немецкой оккупации были таковы, что заниматься исследовательской и литературной работой оказалось трудно, а порой и невозможно⁶.

Только в октябре 1944 г. о. Георгий вместе с женой переехал из Белграда в судетский г. Франценсбад (Франтишковы Лазни). 11 октября он написал в Рейхсминистерство церковных дел, что все его вещи остались в Белграде, ему не на что жить, и попросил об оказании помощи⁷. 23 октября сотрудник министерства В. Гаугг запросил об о. Г. Флоровском у Берлинского митрополита Серафима (Ляде), и 2 ноября владыка отправил в РКМ благоприятный отзыв, подчеркнув: «Я хочу только заметить, что протоиерей Г. Флоровский, которого я лично хорошо знаю, может быть использован лишь как ученый, для службы в качестве приходского священника он совсем не подходит»⁸. В дальнейшем о. Георгий переехал в Прагу, а в 1945 г. — в Париж, где вновь стал профессором Свято-Сергиевского института⁹.

Большую активность также проявлял приехавший в Белград в начале 1941 г. из Ужгорода (в связи с венгерской оккупацией Закарпатья) духовник митрополита Анастасия игумен Аверкий (будущий архиепископ, в миру Александр Павлович Таушев, 1906–1976). Он служил вторым священником в Свято-Троицкой церкви, преподавал пастырское богословие и гомилетику на миссионерско-пастырских курсах, читал систематический курс лекций на духовные темы в Русском доме, был председателем просветительного отдела Белградского приходского совета, организовывал религиозно-просветительские

---

⁵СА. Д. Протоколы Архиерейского Синода 28.11.1940–18.09.1946.

⁶Георгий Флоровский: священнослужитель, богослов, философ. М., 1995. С. 74–76.

⁷РГВА. Ф. 1470. Оп. 1. Д. 11. Л. 221.

⁸Там же. Л. 222, 224.

⁹Георгий Флоровский: священнослужитель, богослов, философ. С. 76.

собрания и, кроме того, после смерти в июне 1943 г. архиепископа Курского Феофана являлся хранителем чудотворной Курско-Коренной иконы Знамения Божией Матери, с которой во время бомбежек бесстрашно посещал дома русских белградцев и служил молебны. 5 апреля 1944 г. Архиерейский Синод решил игумену Аверкию носить наперсный крест с украшениями, а конце этого года возвел его в сан архимандрита¹⁰.

В.А. Маевский так охарактеризовал поведение священнослужителей РПЦЗ в период немецкой оккупации: «...русское духовенство в Югославии в эти печальные годы было на большой высоте и держало себя с исключительным достоинством. Не смотря на гонения, обыски, угрозы и аресты, — а от красных партизан также побои, издевательства и смерть, — все русские священнослужители проявили незаурядное мужество и непоколебимую любовь к своей родине, достойно поддерживая измученную, запуганную и растерявшуюся паству свою»¹¹.

30 октября 1941 г. закончились продолжавшиеся несколько месяцев (с лета) и вызвавшие большой интерес у русских белградцев занятия богословско-миссионерских курсов (планировалось, что они подготовят церковных деятелей для миссионерской работы в России)¹². Целый ряд талантливых лекторов согласился безвозмездно читать лекции и проводить со слушателями семинары. Особенный успех имел курс богослужебного устава, прочитанный протоиереем Владиславом Неклюдовым. Заведующим курсами был профессор-протоиерей Георгий Флоровский, а в число лекторов, помимо отцов Владислава и Георгия, входили: переехавший в Белград из Дечанского монастыря епископ Митрофан (Абрамов), профессора А.И. Щербаков, С.В. Троицкий, А.В. Соловьев и В.А. Мошин, а также миряне П.С. Лопухин, Б.Р. Гершельман и К.Н. Николаев. Почти все слушатели хорошо сдали экзамены, из них даже образовался небольшой церковный хор, поющий на левом клиросе Троицкой церкви¹³. В 1942 г. богословско-миссионерские курсы работали вновь. В этом году их, в частности, закончил будущий ефрейтор Русского корпуса Олег Беляев, рукоположенный весной 1945 г. во диакона¹⁴.

---

¹⁰СА. Личное дело архиепископа Аверкия (Таушева).

¹¹Маевский В. Русские в Югославии 1920–1945 гг. Т. 2. С. 284–285.

¹²Церковное обозрение. 1941. № 10–12. С. 8.

¹³Миссионерские курсы в Белграде // Церковная жизнь. 1942. № 1. С. 12.

¹⁴СА. Д. 51/44.

Позднее протоиерей Владимир Мошин так вспоминал о работе этих курсов и общей ситуации в русской общине Белграда: «В эти годы глубокой подавленности под гнетом оккупации, в мыслях о страданиях Родины в борьбе с фашизмом, люди все сильнее тянулись к Церкви. Мы с Олей жили сравнительно недалеко от храма (в 20 минутах хода), и для нас обеих русская церковь стала главным духовным прибежищем. Ходили туда почти ежедневно и утром и вечером, постоянно участвуя в пении любительского хора на левом клиросе, благодаря чему хорошо усвоили все церковные службы. Я часто руководил хором на левом клиросе. В связи с тяготением русского общества к Церкви при благословении митрополита Анастасия были организованы богословские курсы для популяризации знаний догматического богословия, истории русской церкви и канонического права, как и для изучения церковного устава... Параллельно с тем у митрополита Анастасия проходили закрытые собрания кружка видных ученых и общественных деятелей с информационными докладами и беседами по злободневным проблемам мировой политики и церковной жизни, в частности, в связи с вопросами о фашизме, национал-социализме... нацистскими теориями Розенберга и другими. После закрытия богословских курсов несколько выдающихся слушателей приняли церковный сан...»¹⁵.

29 декабря 1941 / 11 января 1942 гг. русская церковная община в Белграде устроила новогоднюю елку для бедных детей, которым вручили подарки и иконки. Учащиеся основной школы под руководством своего законоучителя протоиерея Виталия Тарасьева продекламировали стихотворения и пропели рождественские песни, кроме того играл музыкальный оркестр и показывали кинофильм. На елке присутствовали митрополит Анастасий, начальник Бюро русской эмиграции генерал В. Крейтер и начальник Русской охранной группы генерал Б. Штейфон¹⁶.

В начале ноября 1942 г. В. Крейтером был учрежден Комитет по оказанию зимней помощи нуждающимся русским эмигрантам под покровительством митрополита Анастасия. Особым посланием к православным русским людям владыка призвал их широко пойти навстречу деятельности комитета и помочь перенести тяготы зимы бедным эмигрантам. 21 ноября в Белграде был устроен церковный концерт с чаепитием в пользу зимней помощи. Работой комитета руководил профессор Новиков, но все важнейшие заседания проходили под председательством Первоиерарха РПЦЗ. По всему Белграду был проведен

---

¹⁵ Косик В.И. Русская Церковь в Югославии (20–40-е гг. XX века). М., 1999. С. 199–200.

¹⁶ Елка русской церковной общины в Белграде // Церковная жизнь. 1942. № 1. С. 12–13.

сбор денег, топлива, продуктов и вещей, самое активное участие в нем приняли церковно-благотворительные учреждения¹⁷.

13 ноября 1942 г. Архиерейский Синод постановил, «в связи с разделением Югославии», заменить в названии Епископского совета при управляющем русскими православными общинами в Югославии (то есть митрополите Анастасии) последнее слово на Сербию, «сохранив без изменений границы подведомственной ему церковной области». Секретарем Епископского совета, который в основном занимался вопросами назначения священнослужителей на приходы и бракоразводными делами, в годы войны был Алексей Александрович Юденич¹⁸.

11–13 декабря 1942 г. владыка Анастасий в сопровождении игумена Леонтия (Бартошевича), протоиерея Владислава Неклюдова и диакона Александра Качинского ездил в г. Белая Церковь для посещения Русского кадетского корпуса. 12 декабря митрополит осмотрел новое помещение корпуса и посетил уроки Закона Божия в некоторых классах, а на следующий день совершил литургию в корпусной церкви¹⁹. В том же году в Белграде, под редакцией о. Владислава Неклюдова (награжденного 16 февраля 1943 г. золотым наперсным крестом), был издан сборник статей «Пастырь добрый», в память скончавшегося в 1940 г. настоятеля Свято-Троицкой церкви протопресвитера Петра Беловидова и в связи с 20-летием существования русской церкви в столице Югославии.

12 мая 1943 г. митрополит Анастасий переслал на отзыв пяти архиереям РПЦЗ выработанный им совместно с архиепископом Феофаном (Гавриловым) проект постановления Синода «Об управлении Русской Православной Церкви Заграницей в военное время». В нем отмечалось, что в настоящее время невозможно созвать Архиерейский Собор и поддерживать связь с рядом областей, в которых до восстановления сношений с Синодом дела должны решаться на основании постановления Патриарха, Священного Синода и Высшего Церковного Совета от 20 ноября 1920 г. (о самоуправлении таких областей). Сам Архиерейский Синод состоит лишь из председателя (владыки Анастасия), секретаря (архиепископа Феофана) и еще двух членов, которые могут только присылать письменные отзывы: митрополита Серафима (Ляде) и архиепископа Серафима (Соболева). Поэтому в проекте постановления предлагалось: 1. Оставить Си-

---

¹⁷Зимняя помощь в Белграде // Церковная жизнь. 1942. № 11. С. 170; Церковное обозрение. 1942. № 11–12. С. 6.

¹⁸СА. Д. 18/41.

¹⁹Высокопреосвященнейший митрополит Анастасий в Белой Церкви // Церковная жизнь. 1942. № 12. С. 187–188.

нод в нынешнем составе из-за фактической невозможности его пополнить; 2. По важнейшим вопросам председатель Синода письменно опрашивает его членов и принимает решения в соответствии с их отзывами. В других случаях председатель в соответствии с постановлением от 20 ноября 1920 г. решает вопросы лишь совместно с архиепископом Феофаном; 3. Если вопрос относится к компетенции Архиерейского Собора, то опрашиваются все архиереи РПЦЗ, с которыми возможны сношения. В случае срочности вступает в силу пункт 2 при условии утверждения принятого решения Собором при первой возможности. Все пять запрошенных архиереев прислали свое письменное согласие, и постановление вступило в силу²⁰. Вскоре митрополит Анастасий, и так вынужденно сосредоточивший в своих руках почти всю высшую церковную власть, остался единственным проживавшим в Югославии членом Синода.

18 июня 1943 г. скончался переехавший в Белград из Хоповского монастыря 15 октября 1942 г. и оставивший по себе добрую память архиепископ Курский и Обоянский Феофан (в миру Федор Георгиевич Гаврилов, 1876–1943), хранитель чудотворной Курско-Коренной иконы Знамени Божией Матери, вывезший ее из своей епархии за границу. Перенесенному на следующий день в Свято-Троицкую церковь праху владыки поклонились председатель Сербского Синода митрополит Иосиф и все бывшие в городе сербские архиереи, присутствовавшие 19 июня на отпевании. 20 июня архиепископ Феофан был погребен на русском участке Нового кладбища, около алтаря Иверской часовни²¹.

После его кончины Курско-Коренная икона всецело перешла в ведение Архиерейского Синода, который постановил поместить ее для хранения и поклонения в белградскую Свято-Троицкую церковь, а 14 мая 1944 г. обязал причт храма вести особый учет дохода от молебнов перед иконой на дому, отчисляя одну треть Синоду²². Новым членом Архиерейского Синода вместо покойного владыки Феофана митрополит Анастасий, с согласия владык Секрафима (Ляде), Серафима (Соболева) и Серафима (Лукьянова), 17 июля 1943 г. назначил епископа Венского Василия (Павловского), в качестве представителя Западно-Европейского митрополичьего округа²³.

В июле 1943 г. при приходском совете Свято-Троицкой церкви в Белграде были организованы иконописные курсы, которые возглавил иеромонах Ан-

---

²⁰СА. Д. 29/43.

²¹Церковное обозрение. 1943. № 6. С. 8; Гласник. 1943. № 9. С. 70–71.

²²СА. Д. Протоколы Архиерейского Синода 15/28.11.1940–28.10/10.11.1950 гг.

²³Там же. Личное дело епископа Василия (Павловского).

тоний (Бартошевич). В это же время митрополит Анастасий командировал его брата — игумена Леонтия (Бартошевича) в Швейцарию, в помощь болящему настоятелю русской Крестовоздвиженской церкви Женевы протопресвитеру Сергию Орлову. А в августе Архиерейский Синод наградил за отлично-усердное служение протоиереев Троицкой церкви: о. Владислава Неклюдова — золотым наперсным крестом с украшениями и о. Виталия Тарасьева — палицей²⁴.

8–11 октября 1943 г. владыка Анастасий снова ездил в г. Белая Церковь. Он совершил богослужение в престольный праздник в местном русском храме св. апостола Иоанна Богослова, а также посетил уроки Закона Божия в Крымском кадетском корпусе и служил литургию в корпусной церкви²⁵.

В конце 1943 г. белградские иконописные курсы завершили свою работу, по итогам которой 19 декабря была устроена выставка икон, которую посетил митрополит Анастасий (вторая подобная выставка с благодарственным молебном и выдачей свидетельств об окончании курсов была намечена на 17 января 1944 г.). В этот же день — 19 декабря в помещении церкви Русского дома под председательством владыки Анастасия состоялось торжественное собрание, посвященное 1600-летию кончины свт. Николая Чудотворца. После молебна свои доклады о святителе прочли игумен Аверкий (Таушев) и П.С. Лопухин²⁶.

Отношение оккупационных властей к русской церковной эмиграции в Югославии в целом продолжало оставаться настороженным. Показательно, как 10 марта 1942 г. немецкий цензор исправил статью Г.П. Граббе «Сербская Церковь против коммунизма», опубликованную затем в белградской газете «Наша Борба». В этой статье управляющий делами Синода достаточно объективно и в то же время лояльно по отношению к немецкой политике проанализировал отношения Сербской и Русской Церквей в новейшее время. Цензор вычеркнул из статьи несколько слов, показавшихся ему вредными и опасными: «вечная, великая, славянская Россия» и «Югославия»²⁷.

В марте 1942 г. белградское гестапо завело на Г.П. Граббе личное дело, где он был назван «секретарем РПЦЗ в Сербии»²⁸. Дело появилось в связи со статьей Граббе, где он упоминал «великую Россию», и в основном содержит

---

²⁴Церковное обозрение. 1943. № 8. С. 4.

²⁵Высокопреосвященнейший митрополит Анастасий в Белой Церкви // Церковная жизнь. 1943. № 10. С. 144–145.

²⁶Церковная жизнь. 1944. № 1. С. 11.

²⁷Тимофеев А.Ю. Положение русской эмиграции... С. 50.

²⁸Архив града Београда (АГБ). Ф. Немачка служба безбедности, Досије Г. Граббе (Д. G-148).

материалы о взаимоотношениях управляющего делами Архиерейского Синода с немецкими органами власти и цензуры; факт сотрудничества Граббе с СД в качестве секретного сотрудника в нем не зафиксирован. В целом со стороны германских органов безопасности к Граббе проявлялось благожелательное внимание, но оно не переходило границы обычного отношения к фольксдойче (лицу немецкой национальности) и известному антикоммунисту²⁹.

Впрочем, благожелательное отношение некоторых германских ведомств к Г.П. Граббе существовало еще до оккупации Югославии. Сотрудник Антикоминтерна православный немец П. Хёке 29 сентября 1939 г. отправил в Рейхсминистерство церковных дел рекомендацию выполнить ходатайство Граббе, который просил помочь его семье, оказавшейся на территории Польши (Вольни), отошедшей к СССР. В этой рекомендации отмечалось: «Относительно служащего Георга Граббе можно заметить: он состоит при нас посредником с Рейхсминистерством пропаганды. Он в самом высоком смысле постоянно действует в пронемецком духе, и пронемецкая позиция всей Русской Православной Церкви Заграницей в значительной степени исходит от него. По этой причине я рекомендую оказать поддержку в его нынешнем деле»³⁰. В результате сотрудник министерства В. Гаугг согласился помочь и 30 сентября 1939 г. написал об этом верховному командованию вермахта³¹.

В журнале Архиерейского Синода «Церковная жизнь» в период оккупации изредка публиковались антиеврейские статьи, и все они, очевидно, вышли из-под пера Г.П. Граббе. В одной из них (от 1 мая 1942 г.), подписанной инициалами Г.Г. и посвященной последнему периоду жизни Ленина, говорилось: «Теперь не приходится доказывать еврейское происхождение большевизма, как равно и то, что в созданной Лениным тюрьме для Русского народа тюремщиками по преимуществу являются именно евреи. И вот тут интересно вспомнить, что по талмудическому учению все не евреи — гои, акумы, как они там называются, это не люди, а человекообразные существа, созданные для служения евреям. Те гои, которые не желают выполнять это служение, подлежат избиению. Эта вера получает яркое проявление в т.н. «Протоколах сионских мудрецов», рисующих план создания для неевреев некоторого подобия той тюрьмы, о которой мечтал Ленин. Но если можно понять, что о такой тюрьме для прочих народов мечтают талмудисты, приходящие к этой мысли на основании своей сатанинской рели-

---

²⁹ Там же.

³⁰ РГВА. Ф. 19. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.

³¹ Там же. Л. 1.

гии, то нееврей может придти к такой мысли только на почве расстроенного атеизмом и одержимостью мозга»³².

В 1943 г. Г.П. Граббе даже написал под псевдонимом две антисемитские брошюры: одна из них — «Под шестиконечной звездой. Иудаизм и масонство в прошлом и настоящем» (49 страниц, с предисловием известного сербского националистического политика Дмитрия Льотича) вышла в Белграде на сербском языке в марте 1943 г.³³, другая была написана по-русски в конце 1943 г. — «На закате жидовской силы» (16 страниц)³⁴.

Впрочем, Граббе был в подобных взглядах не одинок. Упоминавшийся протоиерей Владимир Востоков в своем написанном 30 мая 1943 г. как бы от лица Сталина памфлете писал: «Мы развратили часть наших, особенно юных красноармейцев до нераскаянного соединения с нами в нашем организованном преступлении, и они-то в полном умственном помрачении и неисцелимом сердечном иступлении, сейчас защищают упорно под видом Родины жидовскую вотчину в России и злейших врагов народа... Они-то и замедляют кровопролитнейшую войну, страшную не только России, но и всему человечеству... И мы знали все эти планы адские и злодеяния сатанинские интернационального иудомасонского коммунизма и работали с ним подло, злобно, долго, сознательно под его контролем, помощью и защитой.

При последних словах товарищ Джугашвили-Сталин, естественно, должен горько заплакать, стать на колени перед народом и воскликнуть: «Падаю пред тобою, великий страдалец, долготерпеливец-русский народ! Не прошу у тебя ни пощады, ни милости... Не смею просить, ибо до сих пор я был не человек, а червь-кровосос, поношение и унижение человеков. Сейчас я весь, вместе со своей правящей тобою 26 лет жидо-масонской бандой в твоей власти...». Вот если так скажет и сделает Джугашвили-Сталин, то и я поверю ему, бывшему зверю. Что скажет ему в ответ на покаянный вопль народ? Думаю, что народ поймет: коммунизм в России действительно падает, пропадает...»³⁵.

В немецких архивных документах говорится, что в том же 1943 г. 75-летний протоиерей Владимир Востоков из Вршаца лично писал Гитлеру и предлагал свою службу в области пропаганды. Впрочем, согласно письму германско-

---

³²Г.Г. Одержимый тюремщик // Церковная жизнь. 1942. № 5. С. 69–70.

³³*Georgije Pavlović. Pod zvezdom šestokrakom. Juduczam i slobodno-zidarstvo v prošlosti i sadašnjosti. Beograd, 1943.*

³⁴СА. Личное дело епископа Григория (Граббе).

³⁵Церковное обозрение. 1943. № 7. С. 5.

го МИДа от 5 ноября 1943 г., информаторы СД полагали, что этот священник заинтересован, прежде всего, в немецкой визе, чтобы приехать к своей дочери в Берлин³⁶.

С другой стороны, многие представители русской церковной эмиграции подвергались гонениям со стороны оккупантов и поддерживавших их албанских и хорватских националистов. В апреле 1943 г. в Белград из-за жестокого преследования усташей и хорватских властей вынужденно переехали около 40 сестер Хоповской (бывшей Леснинской) русской монашеской общины. Они поселились в двух комнатах русского дома (общежития) престарелых на городской окраине Сеньяк, где был небольшой домовый храм, настоятелем которого по указу митрополита Анастасия до сентября 1944 г. служил внештатный священник белградской Свято-Троицкой церкви протоиерей Даниил Думский. Здесь сестры испытали тесноту, голод, бомбардировки англо-американской авиации. Однажды шесть больших бомб, каждая весом по 250 килограмм, упали во дворе общежития, но ни одна из них не разорвалась. Описывая этот случай в письме протоиерею Евгению Яржемскому от 11 июля 1944 г., Г.П. Граббе отмечал: «Монахини справедливо объясняют это заступничеством Пресвятой Богородицы, коей чудотворная икона Леснинская хранится у нас»³⁷. В сентябре 1944 г. сестры переселились в центр города в бывшее общежитие русских студентов. В октябре, во время боев за освобождение Белграда рядом с этим зданием была установлена советская «катюша», которую обстреливала немецкая артиллерия. Один из ее снарядов попал в ту часть здания, где находились кельи, однако инокини опять не пострадали³⁸.

Возглавлявшая русский по составу сестер Кичевский монастырь Благовещения Пресвятой Богородицы (в Македонии) игуменья Диодора (Дохторова) в период оккупации предоставляла в своей обители убежище участникам движения сопротивления, не обращая внимание на предупреждение немцев, что за связь с партизанами монастырь будет уничтожен. Когда оккупанты узнали, что она принимала партизан, то занесли игуменью в список приговоренных к смерти. Мать Диодору спас болгарский полковник, часто беседовавший с ней

---

³⁶ АА. Inland I-D, 11/3-17, 20/9, R98817.

³⁷ СА. Д. 41/43.

³⁸ Свято-Богородицкий Леснинский монастырь. Мадрид, 1973. С. 62–63; Черкасов-Георгиевский В. Русский храм на чужбине. М., 2003. С. 156.

и бравший от нее духовные книги. Он предупредил игумению о предстоящем аресте и расстреле, и она скрылась в безопасное место³⁹.

Некоторые русские священнослужители все же погибли от рук оккупантов и их сторонников. Среди них был игумен Иулий — настоятель Карпинского монастыря Пресвятой Богородицы вблизи г. Куманово Скопленской епархии. В 1944 г. он был обвинен в том, что укрывал в монастыре партизан и помогал им, арестован, вывезен в с. Страцин, где после пыток убит. Другой русский эмигрант — игумен Вениамин — настоятель монастыря св. Наума Битольско-Охридской епархии в 1942 г. был убит по дороге из Пресны в с. Трпейца, вблизи г. Охрида, вероятно, сотрудничавшими с итальянскими оккупантами албанскими националистами⁴⁰.

Неблагоприятные для III рейха перемены в позиции Православных Церквей Юго-Востока Европы на завершающем этапе войны, в конце концов, заставили германские ведомства внести некоторые коррективы в свое отношение к РПЦЗ. Проводившаяся с начала войны политика по возможности полной изоляции Архиерейского Синода в Белграде неукоснительно осуществлялась до сентября 1943 г. Все попытки членов Синода получить разрешение на встречу с архиереями оккупированных областей СССР или даже с епископами своей Церкви в других европейских странах оканчивались безрезультатно. Даже митрополит Серафим (Ляде) только один раз смог приехать в Белград с докладом, да и то не на заседание Синода.

Митрополит Анастасий внимательно следил за церковной ситуацией на Востоке и в переписке постоянно просил владыку Серафима как можно подробнее информировать его о ней. Глава РПЦЗ с большой радостью воспринял первые сообщения о бурном религиозном возрождении на занятых вермахтом территориях и этим отчасти объясняются некоторые прогерманские нотки в его посланиях начального этапа войны. Так, в Пасхальном послании 1942 г. митрополит писал: «Мы видим и лобзаем тебя издали, наша родная Православная Русь, и до земли кланяемся твоим страданиям... Разделенные с вами в течение более двадцати лет, мы не забыли вас, дорогие братья, ибо жили одной жизнью с вами. Мы видели свое лучшее призвание на чужбине в том, чтобы сохранять целым и неповрежденным для лучших времен священный залог, полученный нами

---

³⁹ *Гавриил (Динев), архим.* Животопис на схиигумения Мария (Дохторова) // Бялата емиграция в България. Материали от научна конференция. София, 23 и 24 септември 1999 г. София, 2001. С. 322.

⁴⁰ *Николай (Трайковский), игум.* Русские монахи в Македонии. Скопье, 2012. С. 45–46.

от Родной земли... Настал день, ожидаемый им (русским народом), и он ныне подлинно как бы воскресает из мертвых там, где мужественный германский меч успел расцезь его оковы... И древний Киев, и многострадальный Смоленск, и Псков светло торжествуют свое избавление как бы из самого ада преисподнего. Освобожденная часть русского народа повсюду давно уже запела... “Христос Воскресе”»⁴¹.

Уже вскоре до владыки стали доходить сведения и о жестокостях нацистской оккупационной политики, и в его обращениях к верующим появились призывы к прекращению страшного пожара войны, признания в ошибочности некоторых своих прежних надежд. В частности, в Рождественском послании декабря 1942 г. говорилось: «К нашим обычным единодушным мольбам о восстановлении нашего страждущего отечества присоединим и наши молитвенные прошения об умирении всего мира, объятого пожаром войны, об укрощении языков, брани хотящих, о торжестве истины и правды, как незыблемом основании прочного международного мира, об умножении и укреплении Христовой веры и любви... Сколько раз в эти судьбоносные, отрадные для нас годы мы пытались читать в грядущих судьбах нашей Родины, строили определенные планы, приуроченные к тем или другим срокам, и с горечью должны были видеть, как жизнь разрушала наши мечты и гадания, как паутину, и шла своими, непредвиденными нами путями, а не теми, какие мы предназначали для нее»⁴².

С иерархами возникших автономных Украинской и Белорусской Церквей, несмотря на всевозможные препятствия, РПЦЗ в 1942 г. установила связь и поддерживала их, так как они рассматривались в качестве составных частей единой Русской Церкви. Определенные непрочные и непостоянные контакты удалось установить и с духовенством оккупированных областей России. В полемичной книге С.В. Троицкого можно встретить утверждение, что к Средне-Европейскому Митрополичьему округу РПЦЗ были присоединены Смоленск и Орловская епархия⁴³.

Это абсолютно не соответствует действительности. Дело в том, что в журнале «Сообщения и распоряжения Высокопреосвященнейшего Серафима Митрополита Берлинского и Германского и Средне-Европейского Митрополичьего округа» от 20 сентября 1942 г. были опубликованы привлекшие внимание Архи-

---

⁴¹ Церковная жизнь. 1942. № 4. С. 49–51.

⁴² Там же. № 12. С. 177–180; Парижский наблюдатель. Париж. 1943. 16 января.

⁴³ Троицкий С.В. О неправде карловацкого раскола. Разбор книги прот. М. Польского «Каноническое положение Высшей церковной власти в СССР и Заграницей». Париж, 1960. С. 112.

ерейского Синода сообщения из России. В них говорилось, что верующие Смоленска считают себя молитвенно-канонически и жизненно связанными с РПЦЗ через митрополита Берлинского, а священнослужители Орла просили владыку Серафима прислать к ним правящего епископа. Исходя из этих сообщений, Синод принял 18 ноября 1942 г. решение: «...предложить Преосвященному митрополиту Берлинскому и германскому Серафиму принять возможные меры к выяснению возможности посылки епископов в Смоленск и Орел на предмет организации там церковной жизни»⁴⁴. Но, конечно, никаких возможностей послать епископов из-за противодействия германских властей не было. А Смоленская епархия вошла в состав Белорусской Православной Церкви.

В начале марта 1942 г. митрополит Анастасий встретился с посетившим его главой международной службы Евангелическо-Лютеранской Церкви Германии епископом Теодором Хекелем, который приезжал в Белград оформлять присоединение местной евангелической общины к своей Церкви⁴⁵. Однако из всех государственных немецких ведомств Первоиерарх РПЦЗ изредка переписывался лишь с Министерством церковных дел, как и в 1930-е гг. занимавшим относительно благожелательную позицию к Русскому Православию. Например, 24 ноября 1942 г. ландгерихтсрат РКМ В. Гаугг попросил владыку сообщить «по возможности точные сведения об отношении отдельных Православных Церквей к прессе»⁴⁶.

Эти сведения были посланы в Берлин 15 февраля 1943 г. Среди прочего указывалось, что с конца 1941 г. в Белграде возобновлен выпуск официального органа Синода «Церковная жизнь», а также частного журнала бывшего секретаря Синода Е.И. Махароблидзе «Церковное обозрение». 7 августа 1943 г. митрополит Анастасий написал в Берлин владыке Серафиму в связи с проведением Ватиканской радиостанцией пропагандистских передач на русском языке: «...я просил бы Вас обратить внимание германских властей на опасность такой пропаганды, как попытки внедрения католичества среди русского народа и необходимость нечто ей противопоставить. Я полагал бы, что противопоставить надо миссионерские передачи по немецкому радио». Митрополит Серафим 22 августа передал это письмо в РКМ, правда, никакой реакции не последовало⁴⁷.

---

⁴⁴СА. Д. 15/41. Л. 35.

⁴⁵Церковное обозрение. 1942. № 7–8. С. 7.

⁴⁶СА. Д. 15/41. Л. 41–50, 52.

⁴⁷ВА. R901/22183, Вл. 121–122.

Министерство церковных дел поддерживало некоторые издательские проекты РПЦЗ. Так 5 июля 1943 г. епископ Потсдамский Филипп (Гарднер) при содействии РКМ отправил в Министерство занятых восточных территорий ходатайство об издании православного требника с его описанием (литургии, рукоположения, хиротонии, освящение антиминса, мироосвящение и т.д.). 7 октября начальник канцелярии Восточного министерства сообщил РКМ, что ее чиновники обсудили вопрос о субсидировании издания с В. Гауггом и пришли к положительному решению: «Я согласен с тем, что делом требника в дальнейшем будете заниматься вы. Насколько позволят военно-экономические обстоятельства, я из-за пропагандистских соображений приветствую переиздание требника с помощью рейха. При печатании требника я был бы благодарен за соответствующие сообщение, чтобы через рейхскомиссаров известить православных епископов на занятых восточных территориях об этом и установить, сколько экземпляров необходимо для Православной Церкви на занятых восточных территориях»⁴⁸. Требник должен был печататься в типографии русского монастыря прп. Иова Почаевского в Словакии, однако, состоявшееся в конце октября 1943 г. Венское Архиерейское совещание РПЦЗ рекомендовало вместо требника напечатать другие богослужбные книги, которые теперь более необходимы, о чем митрополит Серафим (Ляде) 26 ноября известил РКМ⁴⁹.

Видимо, стремясь преодолеть свою изоляцию и испытывая тревогу по поводу своей дальнейшей судьбы, Архиерейский Синод в 1943 г. впервые за годы войны сделал то, что не позволял себе раньше (да и потом): отправил несколько поздравлений представителям оккупационных властей и получил ответы с благодарностями. 16 февраля 1943 г. Синод заслушал письма адъютанта главнокомандующего немецкими войсками в Сербии, фельдкоменданта и германского консульства в Белграде с выражением благодарности за поздравление к Рождеству Христову, а 17 мая того же года слушал письма главнокомандующего немецкими войсками в Сербии генерала Бадера и представителя МИДа в Белграде Бенцлера «с благодарностью за приветствие по поводу дня рождения Вождя Германского народа А. Хитлера»⁵⁰.

В связи со смертью 18 июня 1943 г. архиепископа Феофана численный состав Синода сократился до двух человек — митрополитов Анастасия и Серафима, возникла острая необходимость их встречи и обсуждения персональных

---

⁴⁸РГВА. Ф. 1470. Оп. 1. Д. 11. Л. 171, 174–175.

⁴⁹Там же. Л. 176–177.

⁵⁰СА. Д. Протоколы Архиерейского Синода 15/28.11.1940–28.10/10.11.1950 гг.

вопросов с целью пополнения Синода. Ценой больших усилий Министерству церковных дел удалось убедить ведомство шефа полиции безопасности и СД в необходимости такой встречи, и 23 июля последнее отправило соответствующее письмо в МИД, указав, что теперь «отстаиваемая нами прежде позиция о нежелательности поездки митрополита Анастасия для обсуждения церковных вопросов на территорию рейха отпадает»⁵¹. Кроме того, шеф полиции безопасности и СД выразил согласие с ходатайством о разрешении переезда епископа Венского Василия (Павловского) в Белград в качестве секретаря и нового члена Архиерейского Синода⁵².

Однако на письмо от 23 июля МИД ответил 11 августа, как и раньше, категорическим отказом разрешить поездку митрополита Анастасия в Германию. Затем последовало еще два убеждающих письма из ведомства шефа полиции безопасности и СД от 8 и 17 сентября 1943 г. Вероятно МИД не изменил бы своей позиции, если бы не произошли поразившие нацистское руководство события в СССР — прием 4 сентября Сталиным руководства Московской Патриархии и выборы 8 сентября Архиерейским Собором в Москве Патриарха Сергия (Страгородского). Под их впечатлением референт Колреп отправил 23 сентября телеграмму в Белград Бенцлеру о том, что запланированные в Вене переговоры митрополитов Анастасия и Серафима «в связи с избранием Сергия имеют известное политическое значение», и сам Колреп теперь намерен с поездкой главы РПЦЗ согласиться, «тем более что этим нам предоставляется единственная в своем роде возможность для получения влияния на Белградский Синод»⁵³.

В положительном ответе ведомству шефа полиции безопасности и СД от 9 октября Колреп подчеркнул, что для германской зарубежной пропаганды решение Архиерейского Синода о событиях в Москве имеет «огромное значение»⁵⁴. Уже в сентябре МИД развернул широкую международную кампанию против признания выборов Патриарха Сергия. В начале октября выяснилось, что согласие с выборами выразили Константинопольский Патриарх Вениамин, Александрийский Патриарх и проживавший в Лондоне в эмиграции греческий архиепископ. Против же высказались лишь некоторые православные архиереи на занятых восточных территориях, в Париже, Варшаве и Загребе. 7–9 октября МИД получил телеграммы от своих представителей в Болгарии, Греции, Сер-

---

⁵¹ АА. Inland I-D, 4798.

⁵² РГВА. Ф. 1470. Оп. 2. Д. 17. Л. 115.

⁵³ АА. Inland I-D, 4798.

⁵⁴ Ebid.

бии о том, что организовать осуждение избрания Патриарха Сергия местными Православными Церквями пока не получается, поэтому резолюции Архиерейского Синода и придавалось такое значение. Во внутренней переписке МИДа от 2 октября говорилось: «Акция служит цели противостоять... воздействию поездки архиепископа Йорского в Москву, затруднить установление контактов Православной Церкви в Советском Союзе с границей и вообще разжечь сопротивление церковной политике Сталина»⁵⁵.

Исходя из тех представлений, которые были высказаны Собором русских зарубежных епископов задолго до войны, митрополит Анастасий по своей собственной инициативе, без всякого немецкого давления еще 14 сентября сделал заявление о непризнании выборов Московского Патриарха, в котором говорилось: «Надо быть слепым, чтобы не видеть, по какому опасному пути ведет Русскую Церковь ее нынешний кормчий. Он неминуемо приведет церковный корабль к крушению, если своевременно не откажется от своих заблуждений и не придет в разум истины. К сожалению, он привык издавна более приспособляться к духу века сего, чем внимать голосу нелицемерной истины и церковной правды. На всех, кто дерзает ему противостоять на этом пути или, по крайней мере, не соглашаться с ним, он старается действовать более угрозами и принуждением, чем разумным убеждением. Но непобедима сила Небесного Кормчего Христа... Прещения же, изнесенные лукавыми пастырями на всех, не желающих покориться их неправде, возвратятся на их собственную голову»⁵⁶. Подобное решение владыка Анастасий хотел вынести и на заседание Синода, 28 сентября он переслал свое заявление для ознакомления его членам — митрополиту Серафиму (Ляде) и архиепископу Серафиму (Соболеву)⁵⁷.

В опубликованной через несколько недель в журнале «Церковная жизнь» значительно более жесткой статье, подписанной инициалами Ю.Г. (вероятно, ее автором был Юрий (Георгий) Граббе) говорилось: «Теперь Церковь якобы поднята в своем положении избранием патриарха, а на самом деле она всецело подчинена гражданской власти безбожников в лице нового комиссара. Церковь патриарха Сергия делается как бы государственной Церковью в безбожном государстве. Она получает официально право на существование и поддержку безбожного государства, но, конечно, постольку, поскольку она этому государству

---

⁵⁵ Ebid.

⁵⁶ Анастасий (Грибановский), митр. По поводу избрания на патриарший престол б. местоблюстителя патриаршего престола митрополита Сергия // Церковная жизнь. 1943. № 9. С. 131–132.

⁵⁷ СА. Д. 36/43.

служит. Церковь Христова таким образом должна служить делу антихриста. Отсюда видно, насколько правы были те исповедники христианства в России, которые вопреки патриарху Сергию утверждали, что в условиях государства, воплощающего начала воинствующего безбожия, Церковь не должна искать своей легализации, что она должна примириться с состоянием гонимости и уходить в катакомбы. Церковную же организацию патриарха Сергия эти исповедники сравнивали с апокалиптическим образом блудницы»⁵⁸.

Не все в заявлении митрополита Анастасия устраивало германские ведомства, в частности, цитирование обращения Сталина к русскому народу, но в целом оно оказалось воспринято МИДом как неожиданное приобретение. В этой связи было позволено провести в Вене не встречу двух митрополитов, а целую архиерейскую конференцию (единственную за годы войны). В докладной записке культурно-политического отдела МИДа от 27 октября 1943 г. о причине разрешения Венской конференции говорилось: «Решающим для этого решения было то, что глава Белградского Синода митрополит Анастасий имел намерение на заседании Синода вынести резолюцию против признания митрополита Сергия патриархом. Такая резолюция могла дать в руки службе германской зарубежной информации ценный пропагандистский материал»⁵⁹.

Конференция, получившая официальное название «Архиерейское совещание иерархов Православной Русской Церкви Заграницей», состоялась в Вене 21–26 октября 1943 г. в помещении Покровской церкви. В ней участвовало 14 человек: митрополиты Анастасий (Грибановский), Серафим (Ляде), Серафим (Лукиянов), епископы Пражский Сергей (Королев), Потсдамский Филипп (Гарднер), Венский Василий (Павловский), настоятель братства прп. Иова Почаевского в Словакии архимандрит Серафим (Иванов), четыре священника из Германии и Бельгии (протопресвитер Александр Шабашев, протоиереи Александр Богачев, Константин Гаврилков, священник Павел Хеке), секретарь совещания Г.П. Граббе, а также два представителя Белорусской Церкви — архиепископ Гродненский и Белостокский Венедикт и архимандрит Григорий (Боришкевич). Присутствие двух последних стало единственным за годы войны случаем допущения встречи иерархов РПЦЗ и оккупированных территорий СССР⁶⁰.

24 октября в Свято-Николаевском храме в Вене была даже совершена по предложению Белорусского Синода хиротония архимандрита Григория во

---

⁵⁸Церковная жизнь. 1943. № 10. С. 144.

⁵⁹AA., Inland I-D, 4797.

⁶⁰СА. Д. 38/43.

епископа Гомельского и Мозырского. Иерархи РПЦЗ считали это очень важным, как факт определенного проникновения в оккупированные области. С ходатайством о проведении хиротонии в Синод 22 октября обратился владыка Венедикт, его поддержал в своем обращении и митрополит Серафим (Ляде), отметив, что Гродненский архиепископ «непрестанно, насколько это возможно в связи с общей обстановкой, ищет соединения с Русской Зарубежной Церковью в моем лице»⁶¹.

В тот же день — 22 октября Архиерейский Синод постановил: «Признать в целях церковной икономии возможным выполнение просьбы преосвященного архиепископа Белостокского и Гродненского Венедикта, не останавливаясь на уклонениях от канонических норм в положении Православной Церкви в Белоруссии, но веря в то, что митрополит Пантелеимон, засвидетельствовавший ранее свою верность Русской Церкви, устранил все то, что в данное время является несогласным с канонами в положении возглавляемой им области»⁶².

Участники совещания выслушали несколько докладов о церковной ситуации в различных странах и приняли три основных, вскоре опубликованных в церковных изданиях, документа: «Резолюцию по вопросу об избрании патриарха Всероссийского в Москве» о неканоничности этих выборов и невозможности их признания, в которой подчеркивалось: «Избрание митрополита Сергия на престол патриарха Московского и всея Руси является актом не только неканоническим, но и нецерковным, политическим, вызванным интересами советской партийной коммунистической власти...»⁶³; «Воззвание ко всем верующим Православной Русской Церкви на Родине и в рассеянии сущим» о необходимости борьбы с коммунизмом и «Резолюцию по вопросу о том, чем Церковь может содействовать борьбе с большевистским безбожием». Первый документ готовила комиссия под председательством митрополита Серафима (Лукьянова), а второй — комиссия во главе с митрополитом Анастасием⁶⁴. Принятие именно этих двух документов соответствовало планам германских ведомств, которые пытались косвенным образом воздействовать на участников совещания.

Связанный с этим инцидент произошел в первый же день — 21 октября. На совещание пришли два офицера СД, ранее сопровождавших митрополита Анастасия в поездке из Белграда в Вену. Г.П. Граббе позднее вспоминал: «Я

---

⁶¹ Там же. Д. 39/43.

⁶² Там же. Д. Протоколы Архиерейского Синода 15/28.11.1940–28.10/10.11.1950 гг.

⁶³ Церковная жизнь. 1943. № 11. С. 149–159.

⁶⁴ Там же.

подхожу к ним и говорю: знаете, у нас сейчас заседание. «Да, да», — говорят, и не уходят. Я говорю им, что заседание закрытое и их присутствие на нем невозможно. Они стали спорить. Я, наконец, сказал им: «Как хотите. Ходите сидеть здесь — сидите, но у нас собрания не будет». Тогда они с возмущением ушли»⁶⁵. В дальнейшем свое воздействие нацистские ведомства старались проводить косвенно — через некоторых более связанных с ними архиереев, среди которых открыто пронемецкой позицией выделялся митрополит Западно-Европейский Серафим (Лукиянов).

В телеграмме Колрепа из Вены в МИД от 24 октября 1943 г. говорилось, что текст проекта резолюции по вопросу избрания патриарха был обсужден представителями полиции безопасности, Рейхсминистерства занятых восточных территорий и МИДа, которые внесли в него ряд изменений. Связанные с германскими ведомствами архиереи должны были представить на совещании эти изменения в качестве своих предложений и добиваться их принятия. Существовали серьезные опасения, что митрополит Анастасий, не подозревавший о германской интриге, не подпишет планируемые документы. В своей телеграмме Колреп отмечал, что тогда вся акция теряет смысл, и подчеркивал: «Анастасия до настоящего времени умышленно не информировали о том, какое политическое значение придается германской стороной его резолюции»⁶⁶.

Текст предложенных нацистами изменений в архиве найти не удалось, поэтому сложно сказать, насколько они были учтены в итоговой резолюции. Но в целом можно констатировать, что совещание не находилось полностью под немецким контролем. Это, в частности, отразилось и в одном из выступлений митрополита Анастасия: «Надо быть признательными и германскому правительству, которое пошло нам навстречу и оказало нам столько помощи и покровительства, причем насколько не пыталось вмешиваться в какие-либо наши внутренние дела»⁶⁷.

Вместо желаемого германским МИДом призыва ко всем православным христианам мира было принято воззвание к русским верующим, совещание не послало никаких приветствий Гитлеру или другим руководителям III рейха. Неожиданным для нацистских ведомств оказался третий принятый документ. Он фактически содержал критику германской политики в отношении Русской Церкви и включал требования, направленные на предоставление ей большей сво-

---

⁶⁵ Григорий (Граббе), еп. Завет... С. 330.

⁶⁶ АА. Inland I-D, 4797.

⁶⁷ СА. Д. Совещание в Вене в 1943 г.

боды: «1) Свободное развитие и укрепление Православной Церкви в оккупированных областях и объединение всех православных освобожденных от советской власти церковных областей и Зарубежной Православной Церкви под одним общим церковным возглавлением служило бы залогом наибольшего успеха этих частей Русской Церкви в борьбе с безбожным коммунизмом... 3) Необходимо предоставление русским рабочим в Германии свободного удовлетворения своих духовных нужд. 4) Ввиду большого количества разнообразных русских воинских частей в составе германской армии, необходимо учреждение института военных священников... 6) Более энергичная проповедь православного религиозно-нравственного мировоззрения... 9) Возбудить ходатайство о введении апологетических передач по радио. 10) Организация духовных библиотек при приходах... 13) Предоставление православной церковной власти возможности открытия духовных школ и организации пастырских и религиозно-нравственных курсов»⁶⁸.

После окончания конференции также выяснилось, что ее участники составили и единогласно приняли обращенный к германским властям меморандум, отправленный 3 ноября митрополитом Серафимом (Ляде) в РКМ. Этот документ включал в себя в более развернутой форме важнейшие из приведенных выше пунктов резолюции. В нем также более явно критиковалась политика германских ведомств, в частности содержалось требование «устранения всех препятствий, которые препятствуют свободному сообщению епископов по эту сторону фронта, и, если это отвечает желанию епископов, их объединению»⁶⁹. Вскоре Министерство церковных дел переслало выдержки из меморандума в адрес ряда ведомств: Восточного министерства, верховного командования вермахта и т.д. Впрочем, на церковную политику нацистов меморандум не оказал никакого влияния, идти на существенные уступки РПЦЗ они не собирались.

Стремясь как можно шире пропагандистски использовать совещание, германские ведомства еще во время заседаний делали митрополиту Анастасию настойчивые предложения дать интервью в газеты и выступить по радио, на что он ответил категорическим отказом. Но два богослужения владыки 24 и 25 октября в венской русской церкви были все же записаны на пластинку для трансляции по радио, также оказались сделаны с пропагандистскими целями фотографии совещания, и сотрудникам радиостанции Вены удалось взять интервью у некоторых других архиереев. 27 октября митрополит Анастасий вместе с Г.П. Граббе

---

⁶⁸Там же. АА, Inland I-D, 4797.

⁶⁹АА. Inland I-D, 4797; ВА, R6/178, Bl. 62–63.

и епископом Венским Василием, назначенным на должность секретаря и члена Синода в качестве представителя Западно-Европейского митрополичьего округа, вернулся в Белград⁷⁰. 3 ноября постановления совещания были разосланы Константинопольскому и Румынскому патриархам, наместнику-председателю Болгарского Синода и заместителю Сербского патриарха митрополиту Иосифу, но ответа ни от кого не последовало⁷¹.

Таким образом, Венское совещание стало заметным событием для Русской Православной Церкви Заграницей, но оно отнюдь не завершает, как считает немецкий историк Г. Зайде, первую фазу ее истории⁷². В конце 1943 – начале 1945 гг. она в целом соответствовала развитию предыдущих лет. Не изменилась существенно и позиция германских ведомств, в основном и после совещания по-прежнему продолжавших политику изоляции Архиерейского Синода. Скорее можно говорить о завершении первой фазы истории РПЦЗ весной 1945 г. в соответствии со значительными изменениями условий ее существования в послевоенном мире.

Также следует опровергнуть высказанную в многотомной «Истории христианства» версию, что в Вене планировалось провести конференцию не только представителей Русской, но и других родственных ей Церквей; а так как на совещании, кроме архиереев РПЦЗ, присутствовал только один епископ из Белоруссии, то эта инициатива не удалась⁷³. На самом деле, по замыслу нацистских ведомств состав участников конференции должен был ограничиваться архиереями РПЦЗ, да и то не всеми. Так, архиепископ Серафим (Соболев) из Болгарии, несмотря на ходатайство митрополита Анастасия, в Вену прибыть не смог. Не был приглашен проживавший в Белграде архиепископ Тихон (Лященко). 16 октября он заявил по этому поводу письменный протест митрополиту Анастасию, отметив, что «неприглашение его является оскорбительным»⁷⁴. 26 октября на заседании Архиерейского Синода митрополит Серафим (Ляде) заявил, что не послал приглашение архиепископу Тихону, «так как знал, что тому не дадут визу». В итоге Синоду пришлось постановить, что поскольку совещание не яв-

---

⁷⁰АА. Inland I-D, 4797; От канцелярии Архиерейского Синода Русской Православной Церкви Заграницей. С. 3.

⁷¹СА, Д. 38/43.

⁷²Seide G. Verantwortung... S. 122.

⁷³Mayeur [Hrsg.] J.-M. Die Geschichte des Christentums. Band 12. Erster und Zweiter Weltkrieg — Demokratie und totalitäre Systeme (1914–1958). Freiburg-Basel-Wien, 1992. S. 986.

⁷⁴СА, Д. 38/43.

лялось Архиерейским Собором, приглашение владыки Тихона было не обязательным⁷⁵.

Архиепископу Венедикту и архимандриту Григорию удалось приехать в Вену только потому, что территория их Гродненско-Белостокской епархии непосредственно входила в состав III рейха и они могли относительно свободно передвигаться по Германии без дополнительных специальных разрешений и виз. И, конечно, обсуждение на совещании вопросов возобновления церковной жизни в России и связанной с этим миссионерской деятельностью было инициативой исключительно самих архиереев и противоречило замыслам нацистов.

Планы же германских ведомств относительно пропагандистского использования Венской конференции потерпели неудачу. В своей заметке от 31 марта 1944 г. Колреп писал, что развернутая после нее МИДом акция с целью побудить балканские Церкви выступить с заявлением против назначения Патриархом Сергия не удалась, и подчеркивал: «Является фактом, что принятая на Венской архиерейской конференции... резко направленная против неканонического присвоения звания патриарха Сергию резолюция в результате не дала желаемого пропагандистского успеха, особенно у автокефальных Церквей Балкан. Ставшие известными высказывания православных архиереев Балкан подтверждают это впечатление»⁷⁶.

Еще в начале декабря 1943 г. у германского МИДа появилась идея опра­вить митрополита Анастасия в сопровождении Г.П. Граббе в пропагандистскую поездку в Бухарест и Софию с целью побудить священноначалие Румынской и Болгарской Церквей высказаться против выборов патриарха Сергия. Однако в разговоре с уполномоченным МИДа в Белграде Бенцлером владыка Анастасий уклонился от участия в данной акции и предложил для пропагандистской поездки использовать эвакуированного с Украины в Варшаву епископа Житомирского Леонтия (Филипповича), который якобы мог выступить с докладами о церковной политике большевиков. Сообщая об этом в своем письме в МИД от 31 декабря 1943 г. Бенцлер отмечал, что епископ Леонтий, «вероятно, не подойдет, так как принадлежит к автокефальной Украинской Церкви, к которой на Балканах относятся негативно и считают политическим образованием»⁷⁷.

Вскоре выяснилось, что епископ Леонтий принадлежит к автономной Украинской Церкви, и, когда штаб шефа полиции безопасности и СД 20 декабря

---

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ АА. Inland I-D, 4757.

⁷⁷ Ebid. 4740.

запросил МИД о возможной поездке митрополита Анастасия в Бухарест и Софию, Колреп 22 февраля 1944 г. ответил, что она теперь представляется нецелесообразной и предложил кандидатуру владыки Леонтия. 27 марта Колреп запросил штаб шефа полиции безопасности и СД, подошла ли предложенная кандидатура, и 24 апреля получил ответ, что вопрос еще изучается. 16 мая МИД, со ссылкой на состоявшееся 12 мая 1944 г. совещание в Партийной канцелярии, попросил штаб шефа СД побыстрее назвать подходящее православное духовенство, которое можно было бы использовать с пропагандистскими целями на Балканах. Переписка тянулась до середины июня 1944 г. и закончилась ничем⁷⁸.

Вскоре после возвращения в Белград митрополит Анастасий узнал о бомбардировках Берлина англо-американской авиацией, от которых пострадали прихожане РПЦЗ. 2 декабря 1943 г. он написал митрополиту Серафиму (Ляде): «С глубокой скорбью и волнением мы читали сообщение о террористическом нападении, произведенном на Берлин в недавние дни. Очень беспокоясь о судьбе наших храмов, духовенства и вообще нашей берлинской паствы, я был бы очень признателен Вашему Высокопреосвященству за сообщение, насколько велики понесенные нами от воздушных нападений утраты. Сам Господь да сохранит несчастных жителей Берлина от дальнейших подобных бедствий»⁷⁹.

Изменение военного положения самым непосредственным образом сказалось на судьбе Архиерейского Синода РПЦЗ. С первого дня Пасхи 1944 г. (совершавшаяся в русской Свято-Троицкой церкви пасхальная утренняя передавалась по радио) начались регулярные воздушные налеты на Белград англо-американских бомбардировщиков, которые причиняли большие жертвы и разрушения. Русское духовенство ежедневно обходило с чудотворной Курской Коренной иконой Божией Матери «Знамения» дома прихожан, совершая молебствия. Митрополит Анастасий также навещал раненых, хоронил убитых, стараясь после каждого налета разузнать, не пострадал ли кто-либо из его паствы. Неоднократно налеты происходили во время богослужений в Свято-Троицкой церкви, однако они продолжались своим чередом, и лишь немногие богомольцы уходили в бомбоубежище. Владыка Анастасий никогда не оставлял храм в это время⁸⁰.

---

⁷⁸Ebid. 4742.

⁷⁹СА. Д. 24/42.

⁸⁰Церковная жизнь. 1944. № 5–6. С. 52; Икона Божией Матери Курская-Коренная Знамение. Джорданвилль, 1995. С. 18.

В это время в посланиях архиереев РПЦЗ при сохранении их антикоммунистической направленности появились новые ноты. Проживавший в США архиепископ Виталий (Максименко) в начале 1944 г. писал: «Мы усердно молились об избавлении нашего русского народа от нашествия супостатов, а Русской Церкви — от гонений и от надругательств безбожников... Жестокий враг — германцы уже почти изгнаны русским христоролюбивым воинством и оставляют землю русскую, хотя и разоренную. Также и безбожные гонители на веру Христову в России послабили свое тяжкое иго». При этом владыка призывал не идти на поводу у антицерковных агитаторов и предостерегал от подчинения патриарху Сергию⁸¹.

В этом отношении интересно Рождественское послание 1944 г. митрополита Анастасия. В нем помимо мольбы к Богу запретить нынешнюю лютую брань, «умирив нашу жизнь», содержатся слова, которые достаточно ясно осуждают политику III рейха: «Уже теперь очевидно для всех, что те, кто зажигал нынешний пожар или радовались его распространению, не могут ни остановить, ни тем менее погасить его. Нынешние роковые события развиваются с какою-то неудержимой стихийной силой и готовы увлечь в бездну всех, кто так неосторожно будил зверя в человеке». В то же время митрополит называл коммунистов людьми «с сожженной совестью», которые «езде служат сеятелями лжи и неправды и источником смуты умов»⁸².

Позднее, в октябре 1945 г. в своем письме Московскому патриарху Алексию в ответ на призыв к воссоединению с Матерью-Церковью Первоиерарх РПЦЗ так оценивал изменение отношения русских эмигрантов к немецкой политике в России: «Нельзя, конечно, скрывать того ныне общеизвестного факта, что истомленные безысходностью своего положения, доведенные почти до отчаяния царившим в России террором русские люди как за границей, так и в самой России возлагали надежды на Гитлера, объявившего непримиримую борьбу коммунизму, (этим, как известно, и объясняется массовая сдача русских армий в плен в начале войны), но когда стало очевидным, что он стремится на самом деле к завоеванию Украины, Крыма и Кавказа и других богатейших районов России, что он не только презирает Русский народ, но стремится к его уничтожению, что по его приказанию наших пленных морили голодом, что германская армия при своем отступлении сжигала и разрушала до основания встречавшиеся ей на пути русские города и села, истребляла или уводила с собой их население,

---

⁸¹ Виталий (Максименко), архиеп. Мотивы моей жизни. Джорданвилль, 1955. С. 76–77.

⁸² Церковная жизнь. 1944. № 1. С. 2–4.

обрекала на смерть сотни тысяч евреев с женщинами и детьми, заставляла их заранее рыть для себя могилы, тогда сердца всех благоразумных людей обратились против него, кроме тех, кто «хотели быть обманутыми». Тогда всем стало ясно, что Гитлер не только не несет миру новой эры мира и социального и хозяйственного благополучия, как он обещал в своих речах, но готовит гибель себе и своему народу и всем, кто связывал с ним свою судьбу, что и случилось на самом деле...»⁸³.

В то же время, в 1944 г., ввиду приближения советских войск к Югославии антикоммунистическая деятельность митрополита Анастасия даже усилилась, и в этой связи его контакты с германскими ведомствами участились. 18 апреля 1944 г. МИД, очень заинтересованный в любых церковных антисоветских акциях, писал своему уполномоченному в Белград о выделении митрополиту Анастасию в случае необходимости денег и бумаги для выпуска печатных изданий. Правда, 26 мая Бенцлер ответил, что ему о соответствующей просьбе митрополита Анастасия ничего не известно, а Граббе, наоборот, сообщил о практической невозможности издания в Белграде церковной литературы, сославшись на полную загруженность единственной типографии с русским шрифтом заказами охранного корпуса. Архивных документов о передаче Архиерейскому Синоду немецких денег найти не удалось, но согласно косвенным свидетельствам в 1944 г. он все-таки получил 3000 марок, единственный раз за период пребывания в Белграде⁸⁴.

Скорее всего, в данном случае речь могла идти о материальной помощи РКМ в связи с эвакуацией Синода в Германию, так как финансовое положение последнего было нелегким. В частности, на своем заседании 1 июля 1944 г. Архиерейский Синод отмечал, что положенные 10 % от церковной доходности не платят восемь общин: Иверская в Белграде, Белоцерковная, Вршацкая, Земунская, Панчевская госпитальная, Петровградская (в Великом Бечкереке), Сараевская и Цриквеницкая. Правда, с мая 1944 г. Синод получал небольшое денежное пособие от правительства Сербии⁸⁵.

23 июня 1944 г. владыка Анастасий отправил в РКМ последнее письмо с предложениями относительно германской церковной политики, в котором вы-

---

⁸³ Вениамин (Федченков), митр. Раскол или единство? (Материалы для решения вопроса об Американской Церкви // Церковно-исторический вестник. 1999. № 4–5. С. 115–116; Архиерейский Собор Русской Православной Церкви Заграницей 1946 г. Под ред. Г. М. Солдатова. Миннеаполис, 2003.

⁸⁴ АА. Inland I-D, 4799.

⁸⁵ СА. Д. Протоколы Архиерейского Синода 28.11.1940–18.09.1946.

ражалась тревога по поводу ситуации на Украине. Дело в том, что 26 апреля в Белград прибыл со своим келейником эвакуированный из Одессы архиепископ Херсонский и Николаевский Антоний (Марценко), представивший 10 мая Архиерейскому Синоду подробный доклад о церковной жизни в своей и соседней епархиях. В частности, владыка Антоний написал, что согласно конфиденциальному сообщению ему начальника канцелярии рейхскомиссара Украины Хестлера, Первоиерарха автономной Украинской Церкви митрополита Волынского Алексия (Громадского) убили националисты (бандеровцы). Они же убили много других священнослужителей этой Церкви, и сам архиепископ Антоний «чудом избежал» гибели, незаметно убежав из Ковеля в Николаев, когда на улицах уже были расставлены караулившие его убийцы. Владыка просил Синод РПЦЗ «осудить самосвятских украинских автокефалистов как злостную ересь и оповестить об этом германское Министерство церковных дел и всех глав Православных автокефальных Церквей», а также «принять под свое покровительство нашу иерархию и всю Украинскую Православную Церковь»⁸⁶.

В тот же день — 10 мая 1944 г. Архиерейский Синод постановил не допускать клириков автокефальной Украинской Православной Церкви к священнослужению в русских храмах и не вступать в молитвенное общение до их покаяния. Принимать в общение с РПЦЗ их могли только как мирян и лишь в исключительных случаях совершать новое рукоположение во диакона и священника. Кроме того было решено предупредить Поместные Православные Церкви и германское Министерство церковных дел о неканоничности украинских автокефалистов, а также «оказать всякое содействие иерархам Украинской Автономной Церкви»⁸⁷.

Первые полтора месяца владыка Антоний со своим келейником Г.Я. Цариком жил в покоях митрополита Анастасия, пока Синод не выделил ему деньги для снятия квартиры⁸⁸. В мае владыки Анастасий, Антоний и епископ Венский Василий отслужили панихиду по экзарху Московской Патриархии в Прибалтике Сергию, митрополиту Волынскому Алексию и всем другим «убитым за последнее время большевиками архиереям и священникам» (хотя к убийствам владык Сергия и Алексия советские власти не имели никакого отношения)⁸⁹.

---

⁸⁶ Там же. Д. 42/44.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Там же. Д. Протоколы Архиерейского Синода 28.11.1940–18.09.1946.

⁸⁹ Церковная жизнь. 1944. № 5–6. С. 52, 55–56.

Согласно определению Архиерейского Синода от 10 мая в конце июня были отправлены послания на имя Константинопольского патриарха Вениамина, заместителя Сербского патриарха митрополита Иосифа и наместника-председателя Синода Болгарской Церкви митрополита Неофита о неканоническом характере вмешательства первоиераха Церкви в польском генерал-губернаторстве митрополита Дионисия (Валединского) в дела Православной Церкви на Украине и неосновательности ссылок украинских автокефалистов на Томос вселенского патриарха от 13 ноября 1924 г.⁹⁰

В своем письме в РКМ от 23 июня митрополит Анастасий предостерегал немцев от поддержки неканоничной автокефальной в ущерб законной автономной Украинской Церкви, делая вывод, «что так называемая Украинская автокефальная Церковь является группой с настоящим сектантским характером, чье фаворизирование со стороны германских ведомств никоим образом не рассматривается верующими в качестве признака внимания по отношению к Православной Церкви». К письму владыки был проявлен определенный интерес, 31 июля копии его были пересланы в МИД, РСХА, Партийную канцелярию, а 17 августа в РМО⁹¹. Но никакого реального воздействия оно не оказало. Рейхсминистерство занятых восточных территорий и далее продолжало поддерживать именно автокефальную Церковь.

1 августа 1944 г. митрополит Анастасий отправил резко антикоммунистическое письмо в Копенгаген лютеранскому епископу Фуглзанду, в котором писал: «Ваше Преосвященство. Долг христианской любви повелевает каждому из нас предупреждать своих близких об опасности, которая им угрожает... Мы считаем, что на нашем народе, как первой и наиболее пострадавшей от коммунистов жертве, лежит и теперь священный долг неустанно предупреждать мир о том, чем ему угрожала бы победа коммунизма, который воистину может быть уподоблен страшному апокалиптическому зверю... Советская власть воплощает в себе поистине антихристианские начала и несет всему миру разрушение христианской культуры и жесточайшее рабство, какого еще никогда не знала история. Поэтому мы, по долгу христианской любви и исторической дружбы наших народов, почли своей нравственной обязанностью послать Вашему Преосвященству слово предупреждения перед надвигающейся для всего мира страш-

---

⁹⁰The Archives of the Orthodox Church in America, Syosset (OCA Archives). Ф. протоиерея Дмитрия Константинова. Box 1.

⁹¹BA. R5101/22183, Bl. 136-139; AA. Inland I-D, 4797, Bl. 3.

ной опасностью в надежде, что Вы сообщите его Вашей пастве, если признаете это целесообразным»⁹².

8 сентября 1944 г., за несколько недель до вступления советских войск в Белград, Архиерейский Синод со своими служащими эвакуировался в Вену. Вопрос о переселении Синода в Германию поднимался еще на Венской конференции в октябре 1943 г., и митрополит Серафим (Ляде) подал об этом заявление в германские ведомства. Но его поддержало тогда только РКМ, все остальные заняли отрицательную позицию. 24 апреля 1944 г. уже Ф. Бенцлер прислал в МИД телеграмму с предложением об эвакуации Синода по желанию последнего в Карлсбад, указав, что его позицию в этом вопросе разделяет не только РКМ, но и белградское СД. Однако ведомство шефа полиции безопасности и СД 25 апреля сообщило своим офицерам в Белграде, что вопрос об эвакуации вообще не может ставиться. В качестве обоснования приводился довод, «что при переселении Белградского Синода в Карлсбад, этот город, принимая во внимание большое число восточных рабочих в рейхе, рано или поздно станет местом паломничества православных верующих»⁹³.

Не зная об этой переписке, митрополит Серафим (Ляде) в письме от 7 августа уверял владыку Анастасия, что «нами будет сделано все, чтобы предоставить Вашему Высокопреосвященству и Архиерейскому Синоду возможно более удобное местопребывание в пределах нашей епархии... в уверенности, что германские власти пойдут нам навстречу»⁹⁴. Но игравший ключевую роль германский МИД полностью разделял позицию шефа полиции безопасности и СД, и еще 12 сентября 1944 г. он указывал своему уполномоченному в Белграде оставить митрополита Анастасия и его сотрудников на месте так долго, как позволит военное положение на Балканах. Эта позиция, помимо ссылок на интересы немецкой внешней политики, объяснялась необходимостью препятствовать тесным контактам митрополитов Серафима (Ляде) и Анастасия⁹⁵.

Между тем, уже в начале сентября угроза Белграду со стороны советской армии стала очевидной, и Синод смог, наконец, при активной поддержке Министерства церковных дел, посылавшего обеспокоенные телеграммы в различные ведомства, и уполномоченного МИДа в Белграде Бенцлера переехать в Вену. При этом ящик с документами канцелярии Синода был в спешке оставлен

---

⁹²СА. Д. 6/47.

⁹³АА. Inland I-D, 4799.

⁹⁴СА. Д. 48/44.

⁹⁵АА. Inland I-D, 4799.

на перроне белградского вокзала⁹⁶. Интересные детали получения разрешения на выезд содержатся в письме сына Г.П. Граббе — Константина архиепископу Антонию (Бартошевичу) от 6 января 1987 г.: «...сколько раз папа рисковал жизнью, чтобы вывезти Синод из Белграда, а потом из Карлсбада... папа уже при полном развале шел сутки пешком через поля и большой лес, чтобы получить разрешение вывезти митрополита в Вену, для совещания, которое он придумал, чтобы немцам дать повод собрать епископов в одно место. Немцы попались на эту удочку, ибо надеялись, что получают сочувственное для них заявление. При этом папа едва не погиб»⁹⁷.

Предполагая скорый отъезд, Г.П. Граббе 30 августа написал митрополиту Анастасию докладную записку, в которой предлагал прекратить функционирование Епископского совета со дня эвакуации, управление русскими общинами возложить на старшего протоиерея на правах благочинного, вывезти важнейшую часть архива Совета, а остальную передать на хранение благочинному. Рассмотрев эту записку, Синод 2 сентября принял постановление: 1. В случае прекращения сношения с Архиерейским Синодом возглавление Епископского совета и управление общинами возлагается на старшего из оставшихся протоиереев на правах благочинного; 2. В случае полного прекращения сношений с управляющим общинами в Сербии, русскому духовенству и пастве надлежит по делам, требующим архиерейской санкции, обращаться к сербской церковной власти; 3. В случае полной эвакуации члены и канцелярия Епископского совета отбывают из Белграда и функции Совета прекращаются»⁹⁸.

Накануне отъезда — 7 сентября митрополит Анастасий написал прощальное письмо председателю сербской общественно-политической организации «Збор» Д.В. Лютичу: «Обстоятельства вынуждают нас покинуть оказавшую нам в течение стольких лет гостеприимство братскую Сербию. О том, что мне надо выезжать сегодня, мне сообщили настолько поздно, что я не имел возможности лично проститься с Вами. Но я не хочу уезжать, не высказав Вам, насколько горько мне покидать Белград, особенно в то время, когда он находится под угрозой возможных будущих бедствий от врагов Божиих. Мы навсегда сохраним в памяти все то добро, которое в годы эмиграции видели со стороны сербского народа. Нарочито благодарность я хочу выразить Вам, ибо в Вас мы

---

⁹⁶Устное свидетельство автору дочери епископа Григория (Граббе) А.Г. Шатиловой в Нью-Джерси 21 апреля 2004 г.

⁹⁷Stanford University Special Collections Librarian. Grabbe (Grigorii) Papers. Box 1. Folder 7.

⁹⁸СА. Д. 47/44.

встретили не только достойного представителя родственного по крови народа, но и человека, которому Святая Русь столь дорога, как и нам, человека, с которым нас связывает подлинное единство веры и мировоззрения. В настоящий момент зло как будто готово поглотить весь мир, но мы не теряем веры в победу добра, которому Вы так самоотверженно служите. Пусть же Господь сохранит Вашу драгоценную жизнь и дарует успех Вам и Вашим сотрудникам в Вашей борьбе с мировым злом. Мы же всегда будем молиться о спасении и возрождении братской Сербии и ее дорогому нашему сердцу народа»⁹⁹.

В день отъезда митрополит Анастасий также заехал проститься к Заместителю Сербского Патриарха митрополиту Иосифу. Согласно воспоминаниям дочери епископа Григория (Граббе) Анастасии Шатиловой, владыка Анастасий до последнего не хотел уезжать из Белграда, не желая покинуть русскую паству и оставить ее без Курско-Коренной иконы Божией Матери. В результате Г.П. Граббе «буквально втолкнул» митрополита в автомобиль, отъезжавший на вокзал¹⁰⁰.

По свидетельству настоятеля белградского храма Пресвятой Троицы протоиерея Иоанна Сокаля примерно за три недели до прихода советских войск (на самом деле за месяц с лишним — 7 сентября) митрополит Анастасий собрал русское духовенство и убеждал священников уехать вместе с ним в Германию, но большинство священнослужителей осталось в Югославии. Всего же из страны тогда уехали на Запад более пяти тысяч русских эмигрантов (не считая военнослужащих Русского корпуса и 15-го кавалерийского казачьего корпуса), в том числе — протоиереи Владимир Востоков, Даниил Думский, Василий Бошановский, священники Сергей Селивановский, Симеон Судоргин, Георгий Горский, Павел Проскурников, Сергей Липский, Николай Чистяков и некоторые другие¹⁰¹.

Протоиерей Владимир Востоков в своей неопубликованной рукописи «Из Югославии в Австрию» вспоминал, что 7 сентября 1944 г. местный сербский епископ сказал ему: «Сейчас же уезжайте из Вршаца... Большевики приближаются и Вас убьют немедленно, не красное войско, а местные бандиты. Сербь церковные Вас любят, а бандиты ненавидят». К тому времени дочь о. Владимира была вынуждена покинуть службу в канцелярии сербского Министерства

---

⁹⁹ Там же. Д. 48/44.

¹⁰⁰ Устное свидетельство автору дочери епископа Григория (Граббе) А.Г. Шатиловой в Нью-Джерси 21 апреля 2004 г.

¹⁰¹ Там же. Д. 60/45; *Вениамин (Федченков), митр.* Раскол или единство? С. 109.

народного просвещения из-за начавшихся кровавых столкновений в Белграде, и в ночь на 8 сентября протоиерей с последним военным поездом уехал в Австрию¹⁰².

Другие уезжавшие из Югославии русские эмигранты претерпели гораздо большие мучения. Один из участников этого исхода позднее писал: «У врат Белграда стоит красный зверь. Медлить нельзя, надо уходить. Бросая имущество, потянулись по дорогам в неизвестность русские беженцы. Иногда удавалось попасть в переполненный поезд... Поезд стоит среди поля. Ожидается налет... Людей выгоняют из вагонов. У русских одна мысль: отслужить молебен Царице Небесной. Как бы в ответ на их пламенное желание из толпы выходит старичок священник и говорит дрогнувшим голосом: «Отслужим молебен». Какой-то молодой человек вышел из толпы и, окинув ее взглядом, нерешительно дал тон, и в тот же момент импровизированный хор стройно ответил на возглас священника. Картина была потрясающая. Рыдающая толпа на коленях слушает молитву, которую читает священник, а по пустынной равнине под грохот разрывающихся бомб несется могучая божественная песнь... И так в продолжении всего страдного пути. На дорогах, в поездах, в бараках, всюду звучала божественная песнь, то усиливаясь, то замирая»¹⁰³.

В информационной записке немецкого МИДа от 19 сентября 1944 г. говорится, что митрополит Анастасий в сопровождении 14 персон прибыл в Германию, и его нельзя размещать совместно с епископами, эвакуированными из восточных областей. Согласно заметке Колрепа от 22 сентября пригороды Берлина в качестве места размещения отвергались из-за близости к резиденции митрополита Серафима. Старая политика изоляции Архиерейского Синода давала себя знать и за семь месяцев до крушения III рейха¹⁰⁴. В указанную группу из 14 персон входили: архиепископ Тихон (Лященко), епископ Василий (Павловский), архиепископ Херсонский и Николаевский Антоний с келейником иподиаконом Г. Цариком, архимандрит Серафим (Смыков), игумен Аверкий (Таушев) со своей матерью, архидиакон Георгий Рутчук с сестрой, келейник митрополита Анастасия Г.К. Мордвинов, Г.П. Граббе со своей женой, чиновник А.П. Рудык и синодальный казначей¹⁰⁵.

---

¹⁰²The Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture (New York). BAR. Vladimir Vostokov. Box 1.

¹⁰³Православная Русь. 1964. № 21. С. 5.

¹⁰⁴AA. Inland I-D, 4799; BA. R5101/22183, Bl. 144.

¹⁰⁵СА. Д. 48/44.

26 сентября на своем первом заседании в Вене Синод постановил выдать денежное содержание за октябрь его членам, служащим канцелярии и другим эвакуированным духовным лицам в размере 3200 марок. В это время в Синодальной кассе было 18650 марок, в том числе от реализации ценностей, унаследованных от архиепископа Феофана (Гаврилова), — 17 тыс., от обмена привезенных динар — 1125 марок и в качестве дохода от молебствий в Вене перед Курско-Коренной иконой — 495 марок¹⁰⁶.

Хорошо понимая, кому он обязан эвакуацией, митрополит Анастасий 8 октября 1944 г. отправил письмо давнему доброжелателю РПЦЗ чиновнику Министерства церковных дел Вернеру Гауггу, в котором отмечал, что предполагал написать ему, когда Архиерейский Синод прибудет на место, предназначенное в качестве резиденции, «но, видимо, отыскание и подготовка ее требует времени», поэтому члены Синода пока живут в венской гостинице. Первоиерарх просил помочь вернуться к обязанностям священнослужителя призванному на военную службу православному священнику (немцу по национальности) Павлу Хеке и подчеркивал: «Памятуя Ваше всегда сочувственное отношение к Архиерейскому Синоду, я надеюсь, что Вы не откажете в Вашей доброй поддержке для него и теперь, когда он находится под непосредственным покровительством Германского правительства»¹⁰⁷.

В это же время митрополит Серафим (Ляде) возбудил перед немецкими властями ходатайство о назначении эвакуированным из Сербии иерархам правительственного пособия по примеру получаемого в Германии архиереями-беженцами из разных областей России, Украины и Белоруссии. Правда, первое такое пособие в 4000 марок было получено Синодом 11 января 1945 г. (за декабрь и январь). Между тем Венское городское управление с 15 октября перестало оплачивать проживание эвакуированных священнослужителей в гостинице Пратерштерн, где они остановились¹⁰⁸.

4 декабря 1944 г. начальник объединения Русских воинских союзов генерал-майор А.А. фон Лампе письменно запросил митрополита Анастасия о судьбе находившихся в белградской Свято-Троицкой церкви русских знамен и могилы генерала П.Н. Врангеля. В ответном письме от 26 декабря владыка сообщил, что знамена должны были быть доставлены для эвакуации в штаб Русского охранного корпуса, а церковь и могила Врангеля оставлены на попечение

---

¹⁰⁶ Там же. Д. Протоколы Архиерейского Синода 28.11.1940–18.09.1946.

¹⁰⁷ Там же. Д. 52/44.

¹⁰⁸ Там же. Д. Протоколы Архиерейского Синода 28.11.1940–18.09.1946.

настоятеля протоиерея Иоанна Сокала и были приняты под покровительство Сербской Патриархии¹⁰⁹.

В Вене Архиерейский Синод пробыл около трех месяцев. Владыка Анастасий совершал богослужения в двух русских церквях: старой посольской свт. Николая Чудотворца и новой домовый Покрова Пресвятой Богородицы, куда временно поместили и вывезенную из Белграда Курско-Коренную икону Божией Матери «Знамение». Вот как описывали очевидцы одну из Божественных литургий, совершенных в Вене под градом бомб: «К началу литургии, которую служил митрополит Анастасий, церковь наполнилась молящимися... У обоих клиросов стоят толпы исповедывающихся... «Белые» беженцы перемешались с «остами», находившимися на работах в Вене... внезапно завывли сирены, и вскоре началась страшная бомбардировка. Далекий гул взрывов... не прерывал литургии. Спокойно подавали возгласы первосвященитель и священники. Торжественно пел хор. Даже самые пугливые и слабые духом не покидали церковь... Разрывы бомб приближались. Сотрясалась церковь, дребезжали стекла. У всех молящихся были торжественно спокойные лица. Люди принимали св. Причастие, подходили приложиться к чудотворной иконе и под благословение кроткого старца-владыки митрополита. Служба окончилась, и одновременно был дан отбой»¹¹⁰.

31 октября Синод одобрил брошюру профессора Гротова «Большевизм и Православие» как полезную для распространения среди верующих¹¹¹. Большая часть русских переселенцев из Югославии, Болгарии и Греции — около пяти тысяч человек была размещена в округе г. Линца, где три месяца — до 1 января 1945 г. работало Бюро по регистрации русских беженцев с Балкан. С благословения митрополита Серафима (Ляде) с ноября 1944 г. их стал окормлять приехавший из Сербии о. Павел Проскурников¹¹². Протоиерей Владимир Востоков был назначен настоятелем временной барачной церкви лагеря русских беженцев в Вене, где он служил с 21 сентября 1944 по 2 апреля 1945 гг. При этом Синодальная канцелярия на всякий случай выдала справку о его антикоммунистических взглядах: «О. Востоков за речь на Всероссийском Церковном Соборе

---

¹⁰⁹ Там же. Д. 48/44.

¹¹⁰ Икона Божией Матери Курская-Коренная Знамение. С. 19–20.

¹¹¹ СА. Д. Протоколы Архиерейского Синода 28.11.1940–18.09.1946.

¹¹² Архив Германской епархии РПЦЗ. Д. Разная переписка. Военные годы.

22 января 1918 г. и за непрерывную проповедь в церквах и в печати против безбожного коммунизма заочно осужден на смертную казнь»¹¹³.

Духовное окормление требовалось и другим беженцам. 29 декабря 1944 г. митрополит Анастасий писал владыке Серафиму (Ляде) о просьбе директора организованных в Силезии приюта и школы для детей военнослужащих Русского корпуса прислать к ним священника. Первоиерарх РПЦЗ предлагал назначить бывшего законоучителя Донского Маринского института протоиерея Василия Бошановского, который в то время находился при штабе Донского атамана¹¹⁴. 4 декабря М.А. Неклюдова — директор другого приюта эвакуированных из Сербии и Хорватии в область Дуная русских детей (62 девочки и 28 мальчиков) просила первоиерарха РПЦЗ направить к ним законоучителя и священника. В конце декабря просили прислать священника на Рождество и эвакуированные из Белграда русские гимназистки, находившиеся в лагере на о. Рюген, вблизи г. Лоббе (среди которых была дочь Г.П. Граббе Анастасия). Не хватало священнослужителей также в эвакуированном в судетский г. Егер (ныне г. Хеб) Русском кадетском корпусе и т.д.¹¹⁵

10 ноября 1944 г. служащие и члены Архиерейского Синода из Вены переехали в Карлсбад (Карловы Вары), где 11 февраля 1945 г. скончался председатель Ученого комитета при Синоде бывший архиепископ Берлинский и Германский Тихон (Лященко). В Германии митрополит Анастасий несколько раз встречался с генералом А.А. Власовым и благословил создание Русской освободительной армии (РОА). 18 ноября 1944 г. митрополит присутствовал в Берлине на торжественном собрании, посвященном провозглашению Комитета освобожденных народов России (КОНР) и 19 ноября выступил в берлинском соборе со словом, посвященным учреждению комитета.

Правда, особой политической активности архиереи РПЦЗ в последний период войны не проявляли, чем некоторые антисоветски настроенные русские церковные эмигранты были не довольны. Так, В.А. Маевский 5 января 1945 г. писал из Линца Е.И. Махароблидзе в Вену: «Вы правы, что м. Анастасий совсем «излаяно», хотя и раньше он не отличался способностями крупного иерарха. Да, вокруг него мертво, но оно наблюдается и у нашего правящего владыки [митро-

---

¹¹³The Bakhmeteff Archive. BAR. Vladimir Vostokov. Box 1.

¹¹⁴СА. Д. 41/43.

¹¹⁵Там же. Д. 48/44.

полита Серафима (Ляде)]; и у него в центре мертво, и весьма слабо развивается церковно-общественная жизнь...»¹¹⁶.

После избрания в конце января 1945 г. патриархом Московским и всея Руси Ленинградского митрополита Алексия (Симанского) владыка Анастасий до конца войны так публично и не выразил своего отношения к этому акту. Правда, 19 марта он написал чиновнику РКМ В. Гауггу, что его давно волнует вопрос, связанный с поступившими сведениями об избрании патриарха в России. Митрополит считал, что данный акт «нуждается в соответствующей оценке со стороны свободного русского духовенства», которое «не может признать выборы законными», но для вынесения решения требуется необходимый материал. Поэтому владыка Анастасий просил Гаугга прислать требуемый материал и сообщить свое личное мнение по этому вопросу¹¹⁷. Однако ответ на это письмо, по всей видимости, получен не был.

В заявлении канцелярии Архиерейского Синода РПЦЗ от 26 июля 1947 г. утверждалось, что «в последний, наиболее критический момент военных действий» у РКМ возникла мысль о созыве Собора всех зарубежных русских епископов различных юрисдикций, «якобы для выражения общего их протеста против угнетения Церкви со стороны Советской власти». Далее в заявлении говорится: «За этим формально выстроенным поводом к созыву Собора у правительства, несомненно, скрывались и другие, ему одному известные виды и надежды на Собор русских епископов. В предвидении этого Архиерейский Синод не пошел навстречу желаниям правительства в осуществлении такой задачи. Собор так и не был созван»¹¹⁸. Хотя архивные документы на этот счет в просмотренных немецких фондах отсутствуют, другие свидетельства (воспоминания Сербского Патриарха Гавриила и т.д.) показывают, что такая попытка со стороны германских ведомств, проявлявших интерес к Русской Церкви вплоть до мая 1945 г., вероятно, была.

Интересно отметить, в период пребывания Синода в Карлсбаде в одном здании с ним проживала группа бывших катакомбных священнослужителей выехавших с оккупированной территории СССР (из Смоленска): архимандрит, игуменья и архидиакон Анастасий, которые, по свидетельству Елены Николаевны Лопушанской¹¹⁹, были специально засланными советскими агентами.

---

¹¹⁶ Архив Германской епархии РПЦЗ. Д. Разная переписка. Военные годы.

¹¹⁷ СА. Д. 36/43.

¹¹⁸ От канцелярии Архиерейского Синода Русской Православной Церкви заграницей. С. 3.

¹¹⁹ Духовная писательница, автор книги воспоминаний о епископе Дамаскине (Цедрике).

Е.Н. Лопушанская (Е. Лопе) лично видела этих людей в Карлсбаде и позднее, в письме протоиерею Димитрию Константинову от 14 декабря 1966 г. сообщила: «Много позже, уже в Америке, я встретила с игуменией Эмилией... Мы с ней часто беседовали, и она рассказала мне конец истории с тройкой катакомбной церкви. Когда фронт начал быстро продвигаться к Карлсбаду, Граббе отправился искать новое местопребывание, а митр. Анастасий остался в Карлсбаде. Напомню Вам, что в Мариенбаде... находился штаб ген. Власова. В один прекрасный день архидиакон Анастасий явился к митр. Анастасию в форме НКВД и сказал ему, что ничего дурного ему не сделают. Еще бы! Под покровом Синода года три в Югославии и около года в Германии в самое горячее с военной точки зрения работала шпионская группа, не вызывая никаких подозрений! Митр. Анастасий был очень огорчен и сказал, чтобы ему никогда не говорили об этой группе и не напоминали. Это понятно. Игуменья оказалась просто женой архимандрита, а архимандрит таковым вовсе не был... Я описала этот случай арх. Афанасию, которого знаю по Гамбургу. Он был тогда на сессии Синода,... и он спросил об этом Граббе. Тот ответил: «Если они сумели провести гестапо... Они жили в одной гостинице с нами»¹²⁰.

Теоретически существование такой советской разведгруппы под видом представителей духовенства в Карлсбаде было вполне возможно, так как подобные группы действовали на оккупированной территории СССР (например, в г. Калинин при епископе Василии (Ратмирове) осенью 1941 г.). Утверждение же Е.Н. Лопушанской, что данная группа функционировала в Югославии при Архиерейском Синоде чуть ли не с 1942 г. и была эвакуирована с ним в Германию, архивными документами не подтверждается. В частности, в списке 14 персон, переехавших вместе с митрополитом Анастасием из Белграда в Вену, этих трех лиц не было¹²¹. К тому же германские власти, за редчайшими исключениями, не разрешали приезжать священнослужителям с оккупированной территории СССР в Югославию, и, напротив, осенью 1944 г. в Судеты прибыла большая группа эвакуированных с Востока православных священнослужителей: украинских, белорусских и русских.

В связи с новым приближением советских войск митрополит Анастасий и служащие Архиерейского Синода при содействии генерала А.А. Власова в середине апреля выехали из Карлсбада в Баварию, где их застал конец войны.

---

¹²⁰ Архив Американской Православной Церкви (OCA Archives). Ф. протоиерея Димитрия Константинова. Вох 20.

¹²¹ СА. Д. 48/44.

При этом владыка Анастасий с келейником и чудотворной Курско-Коренной иконой переехал 15 апреля на штабном автобусе Власова в г. Фюссен, а основная группа духовенства и служащих Синода: митрополит Серафим (Ляде), епископ Василий (Павловский), архимандриты Аверкий (Таушев), Иов (Леонтьев), Г.П. Граббе и другие с синодальным архивом и несколькими ящиками богослужебных книг выехали 17 апреля из Карлсбада поездом в товарном вагоне, но из-за бомбардировок смогли добраться только до маленькой австрийской станции Кухель в Северном Тироле. Здесь они дождались прихода американских войск, а затем переехали к митрополиту Анастасию в Фюссен¹²². Последнее заседание Архиерейского Синода в Карлсбаде состоялось 9 апреля, а следующее — уже в Баварии только 14 июля 1945 г.¹²³

Таким образом, пережив в годы Второй мировой войны тяжелейшие испытания и оказавшись на грани исчезновения, Русская Православная Церковь Заграницей все-таки сумела выстоять. Ее руководящий орган — Архиерейский Синод, переехав в Германию, возобновил свою деятельность уже вскоре после окончания войны, а паства РПЦЗ существенно пополнилась за счет оставшихся в западных зонах оккупации Германии бывших восточных рабочих, советских военнопленных и беженцев с оккупированных немцами территорий СССР.

---

¹²²СА. Д. 53/44, личное дело епископа Григория (Граббе).

¹²³Там же. Д. Протоколы Архиерейского Синода 28.11.1940–18.09.1946.

Источники и литература

1. *Андреев И.М.* Краткий обзор истории Русской Церкви от революции до наших дней. Джорданвилль, 1951.
2. Архиерейский Собор Русской Православной Церкви Заграницей 1946 г. / Под ред. Г.М. Солдатова. Миннеаполис, 2003.
3. Архипастырские послания, слова и речи высокопреосвященнейшего митрополита Анастасия, первоиерарха Русской Зарубежной Церкви. Джорданвилль, 1956.
4. Богомудрый архипастырь. К 20-летию представления блаженнейшего митрополита Анастасия // *Der Bote*. 1985. № 6. С. 12–13.
5. *Булатова Р.В.* Основатель югославской палеографической науки В.А. Мошин // *Русская эмиграция в Югославии*. С. 185—189.
6. *Вениамин (Федченков), митр.* Раскол или единство? (Материалы для решения вопроса об Американской Церкви) // *Церковно-исторический вестник*. 1999. № 4–5. С. 109–129.
7. *Виталий (Максименко), архиеп.* Мотивы моей жизни. Джорданвилль, 1955.
8. *Всеволод (Филипьев), инок.* Святорусское откровение миру. Избранные статьи. Джорданвилль–М., 2005.
9. *Гавриил (Динев), архим.* Животопис на схиигумения Мария (Дохторова) // *Бялата емиграция в България*. Материали от научна конференция. София, 23 и 24 септември 1999 г. София, 2001. С. 320–329.
10. *Георгий Флоровский*: священнослужитель, богослов, философ. М., 1995.
11. *Гласник*. Београд. 1943. № 2, 9.
12. *Голдин В.И.* Роковой выбор. Русское военное зарубежье в годы Второй мировой войны. Архангельск-Мурманск, 2005.
13. *Граббе Г., протопресв.* Церковь и ее учение в жизни (Собрание сочинений). Т. 2. Монреаль, 1970.
14. *Григорий (Граббе), еп.* Завет святого патриарха. М., 1996.

15. *Емельянов Н., прот.* Представители русского зарубежья, за Христа пострадавшие // XVIII Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета: Материалы. Т. 1. М., 2008. С. 232.
16. Журнал Московской Патриархии. Москва. 1978. № 9.
17. Икона Божией Матери Курская-Коренная Знамение. Джорданвилль, 1995.
18. *Константинов В.Д.* Записки военного священника. СПб., 1994.
19. *Корнилов А.А.* Духовенство перемещенных лиц. Биографический словарь. Нижний Новгород, 2002.
20. *Косик В.И.* Русская Церковь в Югославии (20–40-е гг. XX века). М., 1999.
21. *Кускова Е.* Письмо в редакцию // Новое русское слово. 1951. 25 мая.
22. *Маевский В.А.* Русские в Югославии 1920–1945 гг. Т. 2. Нью-Йорк, 1966.
23. *Маевский В.А.* Трагедия русских в Югославии // Русская жизнь. 1946. 16 апреля.
24. *Науменко В.Г.* Великое предательство. Выдача казаков в Лиенце и других местах (1945–1947). Сборник документов и материалов. Т. 2. Нью-Йорк, 1970.
25. *Николай (Трайковский), игум.* Русские монахи в Македонии. Скопье, 2012.
26. *Одинцов М.И.* Религиозные организации в СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны. М., 1995.
27. Парижский наблюдатель. Париж. 1943. 16 января.
28. Православная Русь. Джорданвилл. 1947. № 5, 12, 1964. № 21, 1993. № 10–11.
29. *Протопопов М., прот.* Преосвященнейший Савва (Раевский), архиепископ Сиднейский и Австралийско-Новозеландский. 1892–1976. Мельбурн, 1999.
30. *Польский М., протопресв.* Новые мученики российские. Т. 1. Джорданвилль, 1949.
31. Русская Православная Церковь Заграницей. 1918–1968. Т. 1. Иерусалим, 1968.

32. Русский корпус. Нью-Йорк, 1963.
33. Русский корпус на Балканах во время II великой войны 1941–1945 гг. Исторический очерк и сборник воспоминаний соратников. Нью-Йорк, 1963.
34. Сборник избранных сочинений высокопреосвященнейшего митрополита Анастасия. Джорданвилль, 1948.
35. Свято-Богородицкий Леснинский монастырь. Мадрид, 1973.
36. *Танин С.Ю.* Русский Белград. М., 2009.
37. *Тимофеев А.Ю.* Положение русской эмиграции в Югославии в 1941 году // Славяноведение. 2006. № 4. С. 45–52.
38. *Троицкий С.В.* О неправде карловацкого раскола. Разбор книги прот. М. Польского «Каноническое положение Высшей церковной власти в СССР и Заграницей». Париж, 1960.
39. *Трушинович Я.А.* Русские в Югославии и Германии, 1941–1945 гг. // Новый часовой. 1994. № 2. С. 140–148.
40. Церковная жизнь. Белград. 1939. № 1–2, 9–10, 1941. № 3–12, 1942. № 1, 4, 5, 7–8, 10, 11, 12, 1943. № 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 1944. № 1, 5–6.
41. Церковное обозрение. Белград. 1941. № 4–6, 10–12, 1942. № 4–6, 7–8, 9–10, 11–12, 1943. № 1, 7, 8, 9.
42. *Черкасов-Георгиевский В.* Русский храм на чужбине. М., 2003.
43. *Якунин В.Н.* Положение и деятельность Русской Православной Церкви в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Самара, 2001.
44. *Buchenau K.* Auf russischen Spuren. Orthodoxe Antiwertler in Serbien. 1850–1945. Wiesbaden, 2011.
45. Calendar of the Serbian Orthodox Church in the USA and Canada. 1991.
46. *Mayeur J.-M. [Hrsg.].* Die Geschichte des Christentums. Band 12. Erster und Zweiter Weltkrieg Demokratien und totalitäre Systeme (1914–1958). Freiburg–Basel–Wien, 1992.
47. *Pavlović G.* Pod zvezdom šestokrakom. Juduczam i slobodno-zidarstvo v prošlosti i sadašnjosti. Beograd, 1943.
48. *Seide G.* Verantwortung in der Diaspora, die Russische Orthodoxe Kirche im Ausland. München, 1989.
49. Kyrios. Band 6 1942/43. Graz, 1969.